

Михаил Юрьевич Лермонтов. Штосс

Повесть

Сверка произведена по изданию:

"Русская фантастическая проза эпохи романтизма",
изд-во Ленинградского Университета, Ленинград, 1991 г.
ль OCR & Spellcheck - Александр Усов.

У графа В... был музыкальный вечер. Первые артисты столицы платили своим искусством за честь аристократического приема; в числе гостей мелька(ло) несколько литераторов и ученых; две или три модные красавицы; несколько барышень и старушек и один гвардейский офицер. Около десятка доморожденных львов красовалось в дверях второй гостиной и у камина; всё шло своим чередом; было ни скучно, ни весело.

В ту самую минуту как новоприезжая певица подходила к роялю и разворачивала ноты... одна молодая женщина зевнула, встала и вышла в соседнюю комнату, на это время опустевшую. На ней было черное платье, ка-жется по случаю придворного траура. На плече, припиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель; она была среднего роста, стройна, медленна и лени-ва в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли.

- Здравствуйте, мсье Лугин, - сказала Минская кому-то; - я устала... скажите что-нибудь! - и она опустилась в широкое пате возле камина: тот, к кому она об-ращалась, сел против нее и ничего не отвечал. В комнате их было только двое, и холодное молчание Лугина показывало ясно, что он не принадлежал к числу ее обожателей.

- Скучно, - сказала Минская и снова зевнула, - вы видите, я с вами не церемонюсь! - прибавила она.

- И у меня сплин! -...отвечал Лугин.

- Вам опять хочется в Италию! - сказала она после некоторого молчания. - Не правда ли?

Лугин в свою очередь не слышал вопроса; он продолжал, положив ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на беломраморные плечи своей собеседницы: - Вообразите, какое со мной несчастье: что может быть хуже для человека, который, как я, посвятил себя живописи! - вот уже две недели, как все люди мне кажутся желтыми, - и одни только люди! добро бы все предметы; тогда была бы гармония в общем колорите; я бы думал, что гуляю в галерее испанской школы. Так нет! всё остальное как и прежде; одни лица изменились; мне иногда кажется, что у людей вместо голов лимоны.

Минская улыбнулась.

- Призовите доктора, - сказала она.

- Доктора не помогут - это сплин!

- Влюбитесь! - (Во взгляде, который сопровождал это слово, выразалось что-то похожее на следующее: "мне бы хотелось его немножко помучить!")

- В кого?

- Хоть в меня!

- Нет! Вам даже кокетничать со мною было бы скучно - и потом, скажу вам откровенно, ни одна женщина не может меня любить.

- А эта, как бишь ее, итальянская графиня, которая последовала за вами из Неаполя в Милан?..

- Вот видите, - отвечал задумчиво Лугин, - я сужу других по себе и в этом отношении, уверен, не ошибаюсь. Мне точно случалось возбуждать в иных женщинах все признаки страсти - но так как я очень знаю, что в этом обязан только искусству и привычке кстати трогать неко-торые струны человеческого сердца, то и не радуюсь своему счастью; - я себя спрашивал,